

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Октября 1-го № 19. 1866 года.

— *Содержаніе.* — Клиента, Александрійскаго пресвитера, Стромать (т. е. Узоровъ) книга первая. (Продолж.). — Слово въ день святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. — Наблюденія и замѣтки священника. — Проектъ орловскаго духовнаго общества взаимнаго вспоможенія. — Некрологъ.

Клиента, Александрійскаго пресвитера,

СТРОМАТЬ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Противъ софистовъ и хвалящихся ложною мудростію.

Такихъ людей много: и одни, работая страстямъ и желая вѣровать, осмѣиваютъ истину, достойную всякаго уваженія, пренебрежительно называютъ ее варварствомъ (1); а другіе, превознося самихъ себя, усиливается найти въ рѣчахъ нашихъ поводъ къ порицанію, измышляя спорные вопросы—они, эти

---

(1) Пот. что христіанство вышло изъ среды евреевъ, коихъ римляне и греки причисляли къ варварамъ.

охотники за выраженіями, гоняющіеся за островами, спорщики и хитрецы ⁽²⁾ (ἰμαντελικτέες), какъ говорить оный Абдеритянинъ ⁽³⁾.

Оборотливъ языкъ людской,

Не мало говорить:

Рѣчь его толкуется и такъ,

И иначе.

И опять:

Какое слово скажешь, такое и услышишь.

Злохудожные софисты, превозносясь такимъ искусствомъ, болтая вздоръ собственного изобрѣтенія, трудясь цѣлую жизнь надъ выборомъ именъ, сочетаніемъ и соединеніемъ выраженій, оказываются болтливѣе попугаевъ, не какъ прилично мужамъ чеша и лаская слухъ: «рѣка бездѣльныхъ словъ, а ума—капля» ⁽⁴⁾. Какъ у ветхихъ сапоговъ, все у нихъ расплзается, все слабо, остается одинъ языкъ. Прекрасно выразился объ нихъ Солонъ аѳинянинъ:

«Обращаете вниманіе на языкъ и льстивыя рѣчи,

А не вникаете въ самое дѣло.

Всякій изъ васъ подражаетъ лисицѣ ⁽⁵⁾,

Но у всѣхъ васъ умъ слабый».

⁽²⁾ ἰμαντελικτέες—люди, говорящіе одно, а подразумѣвающіе другое. Сн. Гов. 38, 2.

⁽³⁾ т. е. Демобритъ философ. Послѣдующіе стихи взяты изъ Иліады Гомера. Называетъ *софистами*, т. е. старающимися показать изъ себя мудрыхъ (σοφοί), чрезъ пустословіе желая сравниться съ ораторами, а чрезъ живыя догадки и пустыя доказательства думая превзойти философовъ.

⁽⁴⁾ У Стобея помѣщена эта острота Теоокрита Хиосскаго предъ началомъ рѣчи оратора Анаксимена: ἀρχεται λέξεων μὲν ποταμός, οὐδὲ δὲ σαλαμός—начинается рѣка словъ, капля ума.

⁽⁵⁾ т. е. вы хитры и коварны; хоть считаете себя умными, но умъ вашъ некрѣпокъ.

На это ⁽⁶⁾ нѣсколько намекаетъ и изреченіе Спасителя: *лиси язины (норы) имутъ, Сынь же человѣческой неимать гдѣ главы поклонити* (Мѡ. 8, 20. Лук. 9, 58). Это, какъ мнѣ кажется, потому, что въ вѣрующемъ только, отдѣлившемся отъ прочихъ людей, въ Писаніи называемыхъ *звѣрьми* ⁽⁷⁾, покоится Глава всего существующаго, благій и кроткій Іисусъ — Слово, *уловляющій премудрыхъ въ мудрости ихъ* (Іов. 5, 13); ибо *Господь одинъ въдаетъ помысленія мудрыхъ, что они суетны* (1 Кор. 3, 18—20): а мудрыми постоянно называетъ Писаніе софистовъ, которые превосходятъ другихъ хитростію слова и искусствомъ построенія рѣчи. Да и сами еллины въ чомъ либо опытныхъ называютъ то мудрыми (*σοφοί*), то производнымъ отъ того имененъ софистовъ, т. е. мудрователей. Такъ вотъ Кратинъ въ драмѣ «Архилохи», перечисляя поэтовъ говорить:

Этихъ софистовъ всегда читайте.

И комикъ Іофонъ ⁽⁸⁾ въ своихъ «Пѣвцы—Сатиры» говоритъ о раисодахъ и нѣкоторыхъ другихъ:

И вотъ ввалилась

Софистовъ толпа густая.

О сихъ и подобныхъ имъ, которые упражнялись въ суетномъ родѣ рѣчи, прекрасно говоритъ божественное писаніе: *погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу* (Ис. 29, 14. 1 Кор. 1, 19).

⁽⁶⁾ Климентъ такое примѣненіе дѣлаетъ: «Христосъ не благоволилъ объ уловкахъ и мудрованіяхъ сыновъ человѣческихъ».

⁽⁷⁾ Сн. Тим. 1, 12—13. Псал. 48, 13.

⁽⁸⁾ Іофонъ, сынъ трагика Софокла.

(Продолж. будетъ)

и

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА И БВАНГЕЛИСТА ЮАННА БОГОСЛОВА.

Возлюбленнии, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть. 1. Иоан. 4. 1.

Въ глубокой отдаленности и безъ тревожнаго опасенія мы зримъ теперь, брат. христ.! тѣ смутныя и тяжкія для церкви Христовой времена, когда жили и проповѣдывали святые апостолы. Давно уже перестала проливаться, на землѣ, невинная кровь святыхъ мучениковъ. Давно прошли времена Керинѳовъ и Василидовъ, Аріевъ и Македоніевъ, возмущавшихъ юную церковь Христову и потрясавшихъ ее, въ самомъ ея внутреннемъ святилищѣ. Понятія злочестія, посѣянные ими, какъ и все земное — человѣческое, отжили свой вѣкъ и умерли однажды — навсегда: они не въ силахъ уже снова ожить и вкорениться въ нѣдрахъ христіанства, въ наше просвѣщенное и пылливое время. Но питая, въ сердцѣ своемъ, эти отдаленныя убѣжденія, мы тѣмъ не менѣ слышимъ въ наставленіи св. апостола Юанна «не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи», — пророчественный гласъ и завѣщаніе, равно обязательное для всѣхъ послѣдователей Христовыхъ, къ какому бы вѣку и обществу они ни принадлежали.

Время, безспорно, добываетъ новыя познанія, постепенно вырабатываетъ новыя истины и слѣдовательно постоянно ведетъ человѣка къ понятію и усвоенію единой современнѣйшей истины, — ученія Христова; но тоже время, въ плотскомъ человѣкѣ, порождаетъ и развиваетъ естественныя, плотскія

понятія,—и вотъ является мудрость вѣка—духъ времени, совершенно противный истинному духу вѣры Христовой. Общество, въ свою очередь, мы признаемъ главнымъ и необходимымъ условіемъ, для развитія человѣка и распространенія, въ человѣчествѣ, истиннаго просвѣщенія. Но да не оскорбится, бр. христ.! ваше человѣческое чувство, если мы скажемъ, что въ обществѣ есть много такихъ членовъ, которые недостойны называться сынами святой церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что эти гнилые члены общества имѣютъ свою долю и участіе въ общемъ развитіи и слѣдовательно вносятъ, въ это развитіе, свои гнилыя и безнравственныя убѣжденія и начала. Отсюда особый духъ общества—очевидно также противный духу ученія Христова.

Не будемъ же, бр. христ.! съ дѣтскою довѣрчивостію увлекаться блестящими вывѣсками современности; посмотримъ внимательно и безпристрастно,—каковъ духъ нашего вѣка и нашего общества?

Внѣшнія черты этого духа такъ привлекательны, одежда его такъ благовидна, что разумъ, не искушенный вѣрою, легко можетъ принять его за ангела свѣта, за истинный духъ ученія Христова. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не сочувствовать пламенной любви къ просвѣщенію, одушевляющей и все современное человѣчество, а особенно наше молодое поколѣніе? можно ли быть холоднымъ зрителемъ неусыпной дѣятельности, которая кипитъ у насъ всегда и повсюду,—и неувлечься всеобщимъ стремленіемъ къ труду, имѣющему своею цѣлію не одни личныя выгоды труженика, а пользу ближняго,—благо всего человѣчества?! къ этому, вѣдь, обя-

заль челоуѣка Самъ Творецъ; къ этому же обязываетъ его и св. вѣра Христова, давши ему свѣтъ и разумъ, для познанія истины, и сообщивши ему всѣ божественныя силы къ животу и благочестію. Но благія стремленія современнаго общества есть только личина, подъ которою скрывается настоящій духъ нашего времени. Чтобы узнать вѣриѣ,—Божій ли это духъ, или лестчій, мы посмотримъ, изъ какого начала онъ исходить, какія существенныя его свойства и, наконецъ, какіе его плоды и слѣдствія? Начала, которыми должно руководиться челоуѣчество, есть, по миѣнію нашихъ передовыхъ людей, естественныя силы духа — разумъ и свобода челоуѣка: «истинно только то», говорятъ они, «что не противорѣчить убѣжденіямъ разума, и законно все то, что согласно съ требованіями естественной свободы».

Не ясно ли, бр. христ., слышится, въ этихъ обольстительныхъ для ума челоуѣческаго возгласахъ, голосъ древняго змія—искусителя: «будите яко бози, вѣдуще доброе и лукавое?!» О вѣрѣ Христовой, о послушаніи разума этой вѣрѣ, очевидно нѣтъ и рѣчи,—въ этомъ современномъ мудрованіи. Разумъ челоуѣческій, какого бы онъ развитія ни достигалъ, не можетъ самъ собою познать и воплотить въ себѣ высочайшихъ истинъ и тайнъ ума Божественнаго. Исторія всѣхъ временъ и народовъ доказала эту несомнѣнную истину; оправдывается она и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. Философія, въ продолженіе столькихъ вѣковъ, не приблизилась въ своихъ воззрѣніяхъ къ христіанству, а еще болѣе удалилась отъ него: довольно, кажется, только напомнить для этого, что новѣйшая философія имѣетъ двѣ главныя

темы для своей проповѣди: «безбожіе и бездушіе». Современное естествознаніе, которымъ особенно гордится нашъ просвѣщенный вѣкъ, стоитъ не выше этихъ началъ философіи: разсуждай, говорятъ нынѣшніе естествоиспытатели, только о томъ, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, не ищи для явленія причины, недоступной внѣшнимъ чувствамъ. Вѣрное этому началу естествознаніе никогда не откроетъ намъ, въ чудномъ порядкѣ и устройствѣ міра, премудрой и всемогущей руки Творца и Промыслителя Бога; оно не приведетъ насъ даже и къ мысли, что невидимое Божіе отъ созданія міра, чрезъ творенія, познавается и дѣлается видимымъ; (Рим. 1—20). Потому что оно, (естествознаніе), и не хочетъ ничего видѣть за предѣлами вещества, и не можетъ ничего видѣть безъ свѣта вѣры Христовой, которая одна только есть обличеніе невидимыхъ вещей. (Евр. 11—1). Безотрадно и убійственно, для вѣрующаго сердца, грубое ученіе матеріалистовъ, противоестественны его безбожныя понятія для ума, озареннаго свѣтомъ Божественнаго откровенія, и трудно предположить, чтобы они нашли себѣ какое нибудь сочувствіе въ обществахъ христіанскихъ. Но если мы присмотримся, бр. христ.! ближе къ ученію нашихъ ложныхъ просвѣтителей, если внимемъ въ направленіе лжеобразованнаго общества, то увидимъ, что бездушный характеръ матеріализма и есть господствующій духъ нашего времени и даже нашего общества. Правда, наши проповѣдники вольномыслия не проповѣдуютъ еще явно безбожія и не порицаютъ открыто вѣры и церкви Христовой; но это очевидно и быть не можетъ, — въ наше время,

когда авторитетъ св. церкви огражденъ отъ дерзкой хулы клеветниковъ видимою властію, не только церковною, но и гражданскою; когда каждый идетъ своимъ путемъ, мыслить по своему, оставляя въ сторонѣ церковь и вѣру. Но чѣмъ объяснить, бр. христ., самую холодность къ вѣрѣ въ нашихъ развитыхъ и мыслящихъ людяхъ? откуда появилось крайнее безразличіе къ вѣрѣ, — въ ученіи современныхъ поборниковъ разума? Откуда вытекаетъ это практическое положеніе: исповѣдуй какую угодно религію, — это все равно, будь только честнымъ гражданиномъ и трудись для пользы своей и общей? Изъ исторіи мы знаемъ, что гдѣ было истинное христіанское понятіе о Богѣ, тамъ одна христіанская вѣра и признавалась истинною; гдѣ есть другое какое нибудь ложное понятіе, тамъ исповѣдуютъ и религію ложную — магометанскую или языческую, но все же одну и ее одну признаютъ религіею истинною и обязательною для всѣхъ. Отсюда прямое заключеніе, что совершенное безразличіе въ вѣрѣ ясно показываетъ, въ нашихъ вольнодумцахъ, совершенное отсутствіе понятія о Богѣ, обличаетъ ихъ въ безбожіи; и это есть первый плодъ, порожденный духомъ нашего времени и явно обличающій въ немъ духа лестча.

Правственное ученіе нашихъ ложныхъ просвѣтителей вполнѣ опредѣляется самымъ характеромъ нашего вѣка. «Вѣкъ современный — практическій», говорятъ они съ гордостію! Польза и благо житейское, — вотъ, по современнымъ понятіямъ, и законъ, которымъ человекъ долженъ руководиться въ своей жизни, и главная цѣль, къ которой онъ долженъ

постоянно стремиться. Само собою понятно, что въ этомъ измышленномъ лжеученіемъ законъ дѣятельности нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи о любви и другихъ обязанностяхъ человѣка къ Богу: жажду къ матеріальной пользѣ и безкорыстную святую любовь къ Богу, желаніе временныхъ благъ и стремленіе къ вѣчному блаженству,—словомъ земное и небесное также трудно и невозможно человѣку совмѣстить въ себѣ, какъ невозможно для него самое небо соединить съ землею. Похвалы нашихъ передовыхъ людей вольнодумству, порицанія бесполезнаго и несовременнаго, по ихъ понятіямъ, подвижничества, небреженіе ихъ объ исполненіи церковныхъ обрядовъ и неблагоговѣйные отзвывы о нихъ,—все это неопровержимо доказываетъ, что и заповѣдь Христова: возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею,—несовременна и несвоевременна, по ихъ понятію. Мы не будемъ отрицать того, что эти люди съ особеннымъ одушевленіемъ и жаромъ, говорятъ о святости нравственныхъ убѣжденій, о долгѣ, о добродѣтели и проч. Но, безъ всякаго грѣха, можно сказать, что все это одни только пустые возгласы самолюбія и слѣпаго самообольщенія. Если нѣтъ у человѣка живой вѣры въ Бога, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь, гдѣ каждый, еже аще сотворитъ благое, сіе и приметъ отъ Господа (Ефес. 6, 8.), то очевидно, что ему остается только пецись о своемъ тѣлѣ и удовлетворить своимъ плотскимъ страстямъ: ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ, говорили когда-то люди, невѣровавшіе въ будущую жизнь. Одна только утѣшительная, чистонравственная, черта просвѣчиваетъ

ся въ нравственномъ ученіи современной мудрости— это любовь къ ближнему, а на современномъ языкѣ «гуманность». Но напрасно нашъ вѣкъ присвоиваетъ себѣ изобрѣтеніе этой добродѣтели; корень ея лежитъ въ самой природѣ человѣка и предписана она, гораздо прежде нашего вѣка, закономъ Христовымъ: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себѣ, сказалъ Иисусъ Христосъ. Современное просвѣщеніе наше развѣ потому только можетъ присвоить себѣ изобрѣтеніе этой заповѣди, что любовь къ ближнему, внушаемая намъ закономъ Христовымъ, несравненно выше, проповѣдуемаго теперь, гуманизма. Можно и должно думать, что въ ученіи современныхъ гуманистовъ слово «гуманность» изрекаетъ не безкорыстная любовь къ ближнему, а сознаніе, первѣе всего, каждымъ своего личнаго права и желаніе упрочить и обезопасить это право. Ни одинъ изъ нашихъ гуманистовъ не изрекъ еще и, вѣрно, никогда не изречетъ, а тѣмъ болѣе не приложитъ къ сердцу, словъ Спасителя: аще кто ударитъ тя въ ланиту, подставь другую; а истинная Христіанская любовь не замедлила бы сдѣлать и это потому собственно, что она не ищетъ своихъ си и не раздражается, но вся долго терпитъ; слѣдовательно и въ этомъ нравственномъ долгѣ, внушаемомъ современнымъ просвѣщеніемъ, мы видимъ только произвольное истолкованіе и ослабленіе совершеннѣйшей заповѣди Христовой, — нравственную распущенность, — другой плодъ (явно лестчаго) духа нашего времени: ибо отъ плода ихъ, (т. е. лжеучителей), познаете ихъ, сказалъ Иисусъ Христосъ. Итакъ вотъ неизбѣжныя слѣдствія, къ которымъ ведетъ

насъ духъ нашего времени, — крайнее безразличіе въ ученіи и вѣрѣ (въ теоретическомъ), и распушенность и произволь, въ нравственномъ отношеніи. А гдѣ же истинная цѣль, къ которой такъ неослабно стремится человѣчество? Гдѣ единая святая истина и совершеннѣйшее благо, которыми только обольщаетъ насъ и не даетъ намъ современная мудрость человѣческая? Искать ее недалеко и не на томъ пути, по которому мы стремимся, съ неудержимою силою, въ какую-то неизвѣстную даль, — куда-то «впередъ». Путь истиннаго вѣдѣнія и истиннаго блаженства указанъ намъ самимъ Спасителемъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: *Азъ есмь путь*, сказалъ Онъ, *и истина и животъ*; (Іоан. 14. 6). Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисуса Христа. (Іоан. 17. 3).

Въ настоящій день и часъ свѣтлаго нашего торжества, на васъ преимущественно, юные питомцы вертограда Христова, устремлены все наше вниманіе и мысль. Для многихъ изъ васъ уже недалекъ тотъ высокій и трудный подвигъ, на который мы готовимся здѣсь, подъ мудрымъ смотрѣніемъ и руководствомъ Богодарованнаго намъ покровителя и наставника, святаго евангелиста Іоанна Богослова. Предъ очію Его, при свидѣтельствѣ церкви, мы раскрыли предъ вами одно Его завѣщаніе, которое намъ кажется весьма благовременнымъ и поучительнымъ и для всѣхъ христіанъ нашего времени, а особенно для васъ, будущіе пастыри церкви Христовой, когда вы должны будете внимать не только себѣ, но и всему своему стаду. Внемлите же и напечат-

дѣйте, въ своихъ сердцахъ и помышленіи, это спасительное для насъ завѣщаніе: возлюбленіи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть. Аминь.

Каѳедральною Троицкою Собора священникъ Іоаннъ Адамовъ.

Наблюденія и замѣтки священника.

Въ религіозно-нравственной жизни нашего народа нельзя не замѣтить явленія довольно страннаго характера. Всякій, кто слѣдилъ за движеніемъ его религіозной мысли, легко могъ видѣть, что набожность его стоитъ какъ-то особнякомъ отъ жизни, изолированно; являясь какъ мимолетное чувство, она не проводитъ глубокой черты на душѣ, и оттого-то въ большей части случаевъ исчезаетъ безслѣдно и бесплодно для жизни. Потому-то при всей религіозности нашего простонародія, весьма рѣдко можно повстрѣчать людей проникнутыхъ въ своей дѣятельности религіознымъ характеромъ и съумѣвшихъ помирить жизнь съ высшими требованіями духа. По отношенію къ жизни, масса дѣйствуетъ въ разладѣ съ началами христіанства, подчиняясь лишь житейской выгодѣ, расчету, вліянію обстоятельствъ, силѣ привычки, и рѣдко-рѣдко принципу христіанства, хотя и этому большинству нельзя отказать въ религіозности. Всѣ жалуются на усиливающуюся распущенность и деморализацію народа: на пьянство, упадокъ добросовѣстности, честности и прямоты — качества, столь необходимыхъ въ дѣлѣ общественныхъ сношеній, на семейную вражду и ссору и т. п., и однакожь всѣ выхваляютъ русскую набожность

Отъ чего бы ни произошло это разобщеніе между наружнымъ благочестіемъ и жизненной практикой, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что это раздвоеніе закрѣпилось вслѣдствіе опущенія изъ виду проповѣдниками того простаго правила, что для успѣха проповѣди необходимо съ церковными поученіями соединить домашнія наставленія, какія укажутъ мѣсто, время и случай, нравственныя потребности и настроеніе слушателей. Иначе, если прихожане не слышатъ отъ своего духовнаго отца ни ползвуча въ свое назиданіе, помимо того, что произносится имъ съ церковной кафедры; то не въ правѣ ли они подумать, что онъ восходитъ на кафедру только по обычаю, для обряда? Обойти молчаніемъ замѣченный въ прихожанинѣ порокъ, который вы обличали по книгѣ или по тетрадкѣ, значитъ лишить свою проповѣдь силы, разрушить свое же дѣло и впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Но въ дѣлѣ проповѣдничества никогда не слѣдуетъ полагаться на свое убѣжденіе въ достоинствѣ проповѣди, которая по нашему расчету должна произвести то или другое впечатлѣніе на слушателей. Это замѣчаніе въ особенности касается словъ, предварительно составленныхъ и произносимыхъ съ церковной кафедры. У крестьянина свой складъ ума, и свой образъ сужденій. Для насъ красоту проповѣди составляетъ иногда ея виѣшняя оболочка, крестьянинъ же, какъ извѣстно, не придаетъ никакой цѣны литературной обработкѣ языка. Не повѣряя себя народными сужденіями, мы никогда не можемъ спуститься въ своихъ проповѣдяхъ до того уровня, при которомъ мы сдѣлались бы доступными

народному разумѣнію. Потому-то необходимо прислушиваться къ толкамъ, явившимся по поводу того или другаго поученія: иного способа выслѣдить чужое впечатлѣніе мы не имѣемъ. Если расходящіяся отъ церкви кружки народа ведутъ рѣчь о постороннемъ, что не касается только-что выслушаннаго поученія, то это безошибочный признакъ, что впечатлѣніе отъ проповѣди слабо и что оно не сдѣлаетъ никакой намѣтки на характеръ слушателей. Какъ сильно подѣйствовало на слушателей изложенное въ проповѣди, и какъ близко принято ими къ сердцу, — этого, конечно, нельзя подслушать у тѣхъ, кто произноситъ сужденіе, объ этомъ можно узнать лишь стороною, слѣдуя убѣжденію, что только этимъ путемъ можно добиться откровенности. Но распытывать слѣдуетъ съ большою осмотрительностію, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ шпионствѣ или вывѣдываніи чужихъ мнѣній, что могутъ истолковать въ невыгодную для васъ сторону. Въ особенности нужно остерегаться выражать свое негодованіе на другихъ за ихъ непріятный для нашего самолюбія отзывъ. На этотъ разъ мы можемъ успокоивать себя тѣмъ, что мы отъ проповѣди не похвалы себѣ ищемъ, а назиданія для другихъ, и что рогатія и нелѣпныя мнѣнія простого человѣка никакъ нельзя ставить ему въ вину. Дѣйствуя такъ, мы рѣже будемъ ошибаться въ расчетѣ касательно вліянія поученій на слушателей; а то возьмите: судя по достоинству проповѣди, думаешь, что она достигла цѣли, а прислушавшись къ людскимъ толкамъ, съ горестію узнаешь, что дѣйствіе ея было незначительно, ибо ослаблялось такими причинами, которыя

вамъ и на умъ не приходили. Проповѣди, имѣющія своимъ предметомъ обличеніе какого-нибудь порока, который крѣпко держится въ общественномъ организмѣ, чаще всего встрѣчаютъ оппозицію въ мнѣніи народномъ (*). И это естественно: тамъ, гдѣ не чувствуется потребности разстаться съ грѣховной привычкой, тамъ является на помощь увертливость и софизмы съ цѣлю отбиться какъ-нибудь отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго проповѣдію, какъ отъ несноснаго кошмара, который не даетъ свободно вздохнуть. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что умственное несогласіе крестьянина съ словомъ проповѣдника—чрезвычайно рѣдко; по большей части это отрицаніе имѣетъ своимъ источникомъ невѣжество, недостаточность пониманія и усвоенія сказаннаго проповѣдникомъ. Вся бѣда здѣсь отъ того, что неразвитое соображеніе крестьянина не въ силахъ объять всѣхъ доводовъ, раскрывающихъ вредъ какого-нибудь порока. Впечатлѣніе его—впечатлѣніе минуты: слѣдя за вами дальше, онъ роняетъ навсегда сказанное вначалѣ. Послѣ чтенія, его представленіе о читанномъ обобщается, принимаетъ смутный и неопредѣленный колоритъ, подробности остаются въ тѣни, исчезаютъ, до нѣкотораго времени остается отъ проповѣди общее впечатлѣніе, которое вызываетъ соответствующее чувство. Но

(*). Все сказанное здѣсь—не мой вымыселъ, а фактъ на лицо. Одни, напр. даютъ отзывъ: что онъ проповѣдникъ читаетъ намъ пограматкамъ—то? онъ бы намъ изъ книжки прочиталъ, а то выдумаетъ изъ своей головы, да и читаетъ. Въ другой группѣ возражаютъ: «жили и прежде люди, а этихъ законовъ не ссыкивали;» въ третьей-слову проповѣдника противопоставляютъ свои практическіе выводы и почерпнутые изъ жизни опыты, а иногда и вкоренившіяся предубѣжденія. Оттого-то народныя толки, послучая того или другаго поученія, распадаютъ на множество варіацій.

какъ такое расположеніе духа не поддерживается ничѣмъ, то оно легко и скоро вытѣсняется виѣшними впечатлѣніями, которыя никогда не имѣютъ для него значенія нравственнаго урока, хотя бы и заключали въ себѣ этотъ урокъ. Такъ стирается съ его души послѣдній слѣдъ впечатлѣнія, произведеннаго проповѣдью, и онъ остается опять при общей, сухой морали, выражаемой затверженной формулой, что напр. «грѣхъ красть, грѣхъ браниться, грѣхъ обижать другихъ:» какъ видите, онъ знаетъ и теперь не больше, сколько зналъ до вашихъ внушеній, и что немѣшало ему и тысячѣ его собратій предаваться порокамъ. Дѣло въ томъ, что слухъ крестьянина привыкъ къ механическому произношенію подобныхъ фразъ, которыя отъ бессмысленнаго повторенія потеряли свой вѣсъ и силу. Потому-то, когда поученіе съюзится въ головѣ крестьянина до общаго представленія, то и побужденіе къ удаленію отъ порока ступовывается въ его воображеніи, превращаясь въ прежнее, холодное и безсильное сознаніе разсудка, что, напр., не слѣдуетъ красть. Указаннымъ обстоятельствомъ объясняется и то, отъ чего приговоры и сужденія крестьянъ относительно поученій отличаются странностію и часто произносятся невпопадъ. Чтѣбы, однакоже, ни было причиной, парализующей дѣйствіе церковной проповѣди, во всякомъ случаѣ причину эту нельзя покинуть безъ вниманія. Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ мысли о необходимости повторять одну и ту же проповѣдь объ общественномъ порокѣ нѣсколько разъ къ ряду. Небезпокойтесь; ваши простые слушатели этимъ повтореніемъ неоскуча-

ють; при такой методѣ чтенія, ваше поученіе будетъ не только прослушано большимъ числомъ прихожанъ, но и лучше воспринято. Если мы будемъ постоянно мѣнять тему для своихъ поученій, нынѣ проповѣдуя объ одномъ, завтра о другомъ; то отъ смѣшенія понятій образуется хаосъ, и слушатели наши не только не найдутся способными дать себѣ отчетъ въ слышанномъ, но и припомнить, о чемъ говорилось вообще. Постоянная смѣна впечатлѣній не менѣе вредитъ раздѣльному представленію ума, какъ и пестрота—глазу. Но повторять одну проповѣдь нужно не только для лучшаго усвоенія, но и для того, чтобы вызвать людскіе толки объ ней. Вы вооружились противъ порока, но вѣренъ ли былъ вашъ прицѣль, и не отводились ли наносимые вами удары, это покажетъ людской говоръ. Само собою разумѣется, что, повторяя поученіе, нужно прибавить къ нему и тѣ возраженія, которыя были направлены противъ вашего образа мыслей, изложенныхъ въ немъ. Только такимъ способомъ мы можемъ вывѣдать его неправыя убѣжденія и дѣйствовать противъ нихъ ('). Но рѣшая возраженія, слѣдуетъ какъ можно остерегаться, чтобы невпасть въ гибблывый тонъ и не сдѣлать намѣка на нелѣпость и рогаемость этихъ толковъ. Лучше всего рѣшать

(') Положимъ, напр. вы развиваете положеніе, что не слѣдуетъ платить зломъ за зло и мстить за обиду. Крестьянинъ, не смотря на ваши внушенія, держится выработанныхъ практикой убѣждений. «Да», разсуждаетъ онъ въ кругу себя подобныхъ, «ипоному спусти, онъ сдѣлается еще болѣе дерзокъ и нахаленъ. Вотъ Семень Криворотонъ, бывало, то у того, то у другаго увезетъ съ зугу коню сѣна, просто разорились съ нимъ. Два парня возьми да и подожди его стога сѣна, стога-то и спорѣлъ до тла. Съ тѣхъ поръ будетъ красть чужое сѣно. Наши проповѣди безплодны именно отъ того, что имъ недостаетъ живой связи съ жизнью и обетавкой крестьянина. Авторъ.»

ихъ спокойно безъ раздраженія и неудовольствій. Неудовольствіе и личные счеты тутъ неумѣстны. Что дѣлать? Когда прихожане не дѣлаютъ своихъ замѣчаній прямо намъ, нужно пользоваться тѣмъ, что они говорятъ про наши наставленія на сторонѣ. Особенно полезно вращать такимъ способомъ пороки, которымъ предано большинство: язва, проникшая весь организмъ, требуетъ съ нашей стороны болѣе тщательнаго ухода, чѣмъ та, которая, поразивъ отдѣльный членъ, не представляетъ однакожь опасности для цѣльной жизни. Противъ заблужденій и пороковъ отдѣльныхъ лицъ можно дѣйствовать частнымъ образомъ, при домашнихъ посѣщеніяхъ и случайныхъ столкновеніяхъ, а общественные пороки подвергать публичному бичеванію.

Говорятъ, что нашъ простой народъ невзыскателенъ на выраженія и обороты рѣчи, не нуждается въ витійствѣ и краснорѣчіи проповѣдника: какъ ему ни скажи, все ладно, лишь бы сказано было дѣло. То правда, что онъ не въ претензіи на изысканность и обработку языка, но у него есть свои личные претензіи, зависящія отъ уровня его развитія и отъ особенностей его языка. Вкусъ образованныхъ читателей имѣетъ свои требованія, съ которыми необходимо соображаться, а невѣжество предъявляетъ свои. Неугодивъ образованному вкусу, можно только непонравиться, а не спустившись до пониманія народнаго, до его умственнаго уровня, мы рискуемъ остаться вовсе непонятыми. У насъ въ литературѣ много проповѣдей съ претензіей на популярность, между тѣмъ имъ недостаетъ именно этого качества. Не только философскій образъ изло.

женія, но и самые обыкновенные, повидимому, обороты рѣчи, непринятые и никогда не употребляемые въ народномъ языкѣ, вредятъ ясности мысли, а подобными оборотами многіе проповѣдники любятъ пересыпать свои поученія, предназначая ихъ однако же для неграмотнаго селянина. Напр. «опыты благоуспѣшнаго призыванія святыхъ на молитвахъ показываютъ» или: «не отчаяніемъ спасемся мы отъ настоящихъ бѣдствій, а склоненіемъ своей участи къ подножію креста». Всякій видитъ, что послѣдняя особенно фраза требуетъ поясненій, безъ которыхъ она останется непонятною. Если бы крестьянинъ какъ нибудь добрался до значенія подобныхъ фразъ, то и тутъ не могъ бы избѣжать очень важнаго неудобства: занявшись разъясненіемъ себѣ темныхъ выраженій, онъ упустилъ бы дальнѣйшую рѣчь проповѣдника, который говоритъ безостановочно, прерывая свои мысли незначительными паузами. Далѣе, я очень желалъ бы знать, какое понятіе соединяетъ неграмотный прихожанинъ со словами: ветхозавѣтный, подзаконный, псалмопѣвецъ и т. д. Вѣдь онъ незнакомъ ни съ исторіей, ни съ филологіей. Одно изъ двухъ: или подобныя слова никогда не должны являться въ проповѣди, назначенной для простонародья, или же, въ случаѣ необходимости, должны быть сопровождаемы комментаріями. А то, вѣдь одно непонятное слово затемняетъ всю мысль. Напр. въ русскомъ переводѣ поученія Св. Златоустаго о покаяніи сказано: для чего мы не ходимъ каждый день въ церковь лобзать покаяніе? Тутъ все ясно для крестьянина; непонятно только выраженіе *лобзать*, а отъ этого и вся мысль потеряла ясность; гово-

рится что-то о покаянии, но что именно, — объ этомъ можно крестьянину только догадываться. На отдѣльныя слова нельзя не обращать вниманія не только потому, что многія изъ нихъ непонятны народу, но и потому, что въ обыденной молвѣ народной онѣ употребляются совсѣмъ въ другомъ значеніи и смыслѣ, чѣмъ какой имѣютъ въ языкѣ письменномъ, литературномъ и библейскомъ. Возьмемъ для примѣра слово *страсть*. Въ церковномъ языкѣ оно употребляется часто въ смыслѣ мученія или страданія, напр. страсти Господни, — въ литературномъ для обозначенія преобладающей склонности въ душѣ, или сильной привязанности къ чему нибудь, а масса никогда не употребляетъ этого слова ни въ томъ, ни въ другомъ значеніи; она просто принимаетъ слово *страсть* въ смыслѣ страха, ужаса, испуга или же чудовища, внушающаго ужасъ. Теперь спрашивается: какъ крестьянинъ пойметъ слово *страсть*, употребленное въ первыхъ двухъ значеніяхъ? Ему покажется Богъ вѣсть что такое; узнавать смыслъ по контексту рѣчи для него трудъ не подъ силу. Еще: *поводъ* въ литературѣ означаетъ побужденіе, причину, а на народномъ языкѣ — конецъ узды, а въ смыслѣ переносномъ — потачку, послабленіе, напр. онъ самъ далъ сыну поводъ воровать. Слово, подобнаго вышеприведеннаго, наберется вдоволь. Я не отстаиваю необходимости простонародныхъ словъ въ проповѣди, но думаю на основаніи собственнаго опыта, что ихъ съ пользою можно примѣнять къ дѣлу тамъ, гдѣ они не противорѣчатъ литературному вкусу, и гдѣ синонимы ихъ непонятны для народа. Напр. взаимнѣ слова обѣтъ, незнакомаго народу,

онъ измыслилъ подобо-значущее *оброкъ*, отъ слова обречься, т. е. обязывать себя къ чему словомъ. Нужды нѣтъ, что слово-оброкъ—имѣетъ въ литературѣ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ какое придаетъ ему простолюдинъ; его все-таки можно употреблять вмѣсто непонятнаго: обѣтъ. Такая строгая разборчивость въ самыхъ словахъ требуется крайнею неразвитностью нашего простолюдья, которое, если бы и желало попросить у своего духовнаго отца объясненія, никакъ не можетъ припомнить, что ему было непонятно. Потому-то нельзя вполнѣ согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что въ дѣлѣ церковнаго собесѣдованія съ крестьянами можно обойтись безъ готовыхъ проповѣдей. Импровизація—прекрасное дѣло, но въ этомъ способѣ проповѣдничества трудно отрѣшиться отъ книжнаго языка и говорить вездѣ языкомъ доступнымъ народу: тутъ всегда есть опасность выразиться хотя и вѣрно, но для народа темно, загадочно. Тутъ есть и другая опасность—не высказаться вполнѣ до желанной ясности. Человѣкъ съ развитой головой собственнымъ размышленіемъ восполнить недодуманную мысль проповѣдника, а у крестьянина эта самая недосказанная идея замретъ въ самомъ зародышѣ,—не принявъ живаго образа. Нѣкоторые, впрочемъ, изъ народныхъ проповѣдниковъ какъ бы не желая примѣчать крайней ограниченности идей и свѣдѣній у нашего простолюдья, позволяютъ себѣ вставлять въ свою рѣчь славянскія слова и выраженія, которыя, къ слову сказать, ни на одну іоту не придаютъ мысли ни красоты, ни выразительности и силы, а только отнимаютъ ясность. Напр. «святые люди выну жела-

ли жить въ храмѣ Божіемъ», или «вотъ у Іоакима и Анны раждается преблагословенная дочь». Неужели слово дочь благозвучнѣе русскаго—дочь? Или подобныя слова могутъ сообщать поученію благочестивый элементъ? Недумаю,—затруднягъ пониманіе, это правда. Не скажу, чтобы фразы съ подмѣсю ни кѣмъ не могли быть поняты,—ихъ понимаютъ люди искусившіеся въ книжной мудрости и неграмотные, принаровившіеся къ славянскому слововыраженію, но они составляютъ самое незначительное меньшинство въ средѣ чуждой разумнѣю массы. Нечего, кажется, прибавлять, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ потребности и уровень развитія темнаго большинства: что вразумительно для него, то не можетъ быть непонятнымъ и для остальныхъ слушателей. Мы призваны знакомить народъ не съ литературнымъ достоинствомъ рѣчи, а съ духомъ Божьяго закона. Мнѣ могутъ возразить, «что въ проповѣдяхъ вставляются порой тѣ славянскіе обороты и рѣченія, которыя часто встрѣчаются въ евангеліи и въ богослужебныхъ книгахъ нашей церкви, и съ которыми, стало-быть, народъ болѣе или менѣе знакомъ». То есть, скажу я въ поясненіе этихъ словъ, простолюдину удавалось иногда схватить своимъ органомъ слуха какое нибудь слово изъ бѣлаго чтенія дьячка; но слышать не значить еще понимать: между этими двумя дѣйствіями нашей души дистанція огромнаго размѣра. На повѣркѣ выходитъ, что вставка славянскихъ словъ въ русскую рѣчь также непонятна народу, какъ были непонятны онѣ въ самомъ оригиналѣ, откуда внесены въ нашу рѣчь.

Всѣ высказанныя замѣчанія касаются по преимуществу изложенія нравственныхъ правилъ и поведенія христіанства. Но есть еще одно важное неудобство въ изложеніи катихизическихъ поученій въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли писать ихъ. Недостатокъ этотъ, конечно, легче могъ быть замѣченъ слушателями, чѣмъ проповѣдникомъ, и вотъ причина, почему у насъ до сихъ поръ небыло попытокъ къ его устраненію. Я разумѣю вошедшій у насъ въ силу обычай составлять отдѣльныя поученія на каждый членъ Символа вѣры, на каждое прошеніе Молитвы Господней. Не смотря на то, что мы предлагаемъ свои поученія народу въ систематическомъ порядкѣ, онѣ все таки представляются слушателямъ безсвязными отрывками. Намъ не кажется страннымъ такой порядокъ веденія дѣла оттого только, что намъ нельзя опустить ни одной службы церковной, но поставимъ себя въ положеніе слушателей, и тогда легко мы увидимъ свою ошибку. Напр. чтобы познакомиться съ содержаніемъ и значеніемъ Молитвы Господней, для этого требуется, 9-ть воскресныхъ дней сряду, судя по числу частей, на которыя она у насъ дѣлится. Я не говорю, чтобы Молитва Господня не стоила времени, какое употребляется на ея изъясненіе, — мнѣ только хочется показать, сколько тутъ выходитъ несообразностей. Рѣдкій крестьянинъ посѣщаетъ церковь неопустительно каждое воскресенье, а большинство въ данномъ случаѣ подчиняется вліянію и силѣ обстоятельствъ. Что посѣтители храма мѣняются каждый воскресный день, это знаетъ всякій. Теперь предположивъ даже, что слушатели съ разу усвоятъ себѣ ваше поуче-

ніе, мы все-таки вправѣ думать, что значеніе молитвы Господней имъ останется по прежнему неизвѣстнымъ; ибо продолженіе этихъ объясненій не застанетъ уже ихъ въ церкви, гдѣ на мѣстѣ ихъ будетъ стоять другая масса народа. А этой придется въ свою очередь услышать середину или конецъ молитвы Господней. Катихизическія поученія—это вѣдь не публичныя лекціи, которыя слушатели посѣщаютъ безъ пропуска за условную плату: кто ходитъ въ церковь, по народному выраженію, урывками, для того поученіе должно представлять нѣчто въ полнѣ законченное. Молитву Господню лучше всего изъяснять въ одинъ пріемъ, при чемъ стараться избѣгать подробностей и ни къ чему не ведущаго велерѣчія.

Священникъ Димитрій Кирилловъ.

ПРО Э К ТЪ

ОРЛОВСКАГО ДУХОВНАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ.

(Окончаніе).

III.

УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА.

§ 34. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ.

§ 35. Дѣйствительнымъ членомъ общества можетъ быть: а) всякое лицо духовнаго званія орловской епархіи, взносящее ежегодно опредѣленную въ § 24 сумму. Впрочемъ если бы кто либо изъ членовъ перешелъ въ другую епархію и пожелалъ продолжать взносъ, то такой остается дѣйствительнымъ членомъ общества; б) лица свѣтскаго званія, служащія по духовному вѣдомству въ орловской епархіи, какъ то: наставники семинарій и училищъ, чиновники консисторій и духовныхъ правленій, но только дотожъ, пока не перейдутъ въ другое вѣдомство.

§ 36. Въ почетные члены избираются лица, заявившія свое сочувствіе обществу и избираются на основаніяхъ указанныхъ въ § 28.

§ 37. Дѣйствительные члены пользуются: а) правомъ участія въ общихъ собраніяхъ членовъ общества, въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ касающихся до общества вопросовъ; б) правомъ на полученіе какъ ими самими, такъ ихъ семействами пособій отъ общества.

§ 38. Почетные члены: а) на равнѣ съ дѣйствительными членами по желанію участвуютъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ общества при общихъ собраніяхъ; б) имѣютъ право быть избранными въ повѣрочную комиссію, но не могутъ быть членами правленія и получать отъ общества пособія.

§ 39. Дѣйствительный членъ общества лишается этого званія и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ правъ, какъ скоро пересталъ вносить опредѣленную сумму и требовать возврата внесенной имъ суммы не имѣетъ права.

§ 40. Въ случаѣ прекращенія взноса правами дѣйствительныхъ членовъ могутъ пользоваться: а) тѣ члены, которые вносили болѣе нормальной суммы, и права ихъ продолжаются на столько лѣтъ, за сколько внесена сумма, считая по нормальной величинѣ взноса; б) тѣ, которые прекратили взносъ вслѣдствіе какихъ либо несчастій, о чемъ они немедленно обязаны письменно заявить правленію общества.

§ 41. Для непосредственнаго веденія дѣлъ общества и распоряженія принадлежащими ему капиталами учреждается *правленіе общества*.

§ 42. Для надзора за дѣйствіями правленія избирается *повѣрочная комиссія*.

§ 43. Окончательное обсужденіе дѣйствій правленія и рѣшеніе дѣлъ общества принадлежатъ *общему собранію*.

§ 44. Правленіе состоитъ изъ пяти дѣйствительныхъ членовъ, именующихся *директорами общества*.

§ 45. Члены правленія избираются на 5-ть лѣтъ и каждый годъ одинъ изъ нихъ выбываетъ и замѣняется вновь избраннымъ. Такъ какъ эта очередь не можетъ быть заведена съ разу, то въ первые четыре года члены правленія будутъ выбывать по жеребью или по собственному желанію.

§ 46. Изъ числа членовъ правленія одинъ исполняетъ обязанности казначея, а другой—дѣлопроизводителя. Предсѣдательствуетъ старшій по времени поступленія въ члены правленія. Въ должности казначея и дѣлопроизводителя выбираетъ само правленіе.

§ 47. Правленію предоставляется право принимать, хранить и употреблять общественныя суммы, согласно съ уставомъ общества.

§ 48. Правленіе разсматриваетъ все прошенія о пособіяхъ и съ своимъ заключеніемъ представляетъ общему собранію, съ разрѣшенія котораго только и могутъ быть выдаваемы эти пособія.

§ 49. Дабы имѣть возможность удобнѣе разбирать поступающія прошенія, правленіе обязано имѣть книгу, въ которой въ алфавитномъ порядкѣ должны быть записаны дѣйствительные члены общества съ обозначеніемъ мѣста ихъ жительства, состава семейства, времени поступленія въ члены общества и количества ежегодно поступающей отъ нихъ суммы.

§ 50. Правленіе обязано имѣть книги для прихода и расхода, скрѣпленныя и прошнурованныя членами повѣрочной комиссіи.

§ 51. Приѣмъ и выдача суммъ производится казначеемъ. О поступившихъ суммахъ онъ доноситъ правленію ежемесячно, а выдаетъ не иначе какъ по журналу правленія.

§ 52. Правленіе собирается не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ по взаимному соглашенію предѣдательствующаго съ прочими членами.

§ 53. Все бумаги на имя правленія принимаются предѣдательствующимъ, но при рѣшеніи дѣлъ все члены правленія имѣютъ одинаковый голосъ и все дѣла рѣшаются по большинству голосовъ.

§ 54. Дѣлопроизводитель составляетъ журналъ засѣданія, который подписывается членами правленія въ самомъ засѣданіи.

§ 55. На случай преждевременнаго открытія вакансій въ правленіи, а равно временной отлучки кого либо изъ членовъ правленія, общее собраніе избираетъ трехъ изъ кандидатовъ, изъ коихъ старшій по количеству полученныхъ имъ голосовъ вступаетъ въ должность директора на столько времени, сколько продолжается вакансія или отпускъ.

§ 56. Выбывшій по жребію, или за выслугою лѣтъ членъ правленія можетъ быть избираемъ снова.

§ 57. По мѣрѣ надобности правленіе имѣетъ право въ разныхъ мѣстахъ орловской епархіи учредить директоровъ-сотрудниковъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества, которымъ, на равнѣ съ казначеемъ, поручаетъ приѣмъ и выдачу общественныхъ суммъ, а также собраніе нужныхъ свѣдѣній и выполненіе своихъ постановленій.

§ 58. Директоры-сотрудники имѣютъ голосъ въ правленіи, который могутъ подать какъ устно, такъ и письменно. Этотъ голосъ,

если онъ поданъ, равносильнъ голосу каждаго изъ наличныхъ членовъ правленія.

§ 59. Директоры-сотрудники снабжаются правленіемъ скрѣпленною книгою, въ которой записываютъ приходъ и расходъ переходящихъ чрезъ ихъ руки суммъ. По окончаніи года книга представляется въ правленіе для повѣрки. Поступающія къ директорамъ — сотрудникамъ суммы должны быть вносимы въ правленіе не менѣе трехъ разъ въ годъ.

§ 60. Повѣрочная коммиссія состоитъ изъ трехъ ежегодно избираемыхъ общимъ собраніемъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ.

§ 61. Повѣрочная коммиссія постоянно наблюдаетъ за дѣйствіями правленія; для этого она можетъ во всякое время разсматривать журналы, приходорасходныя книги правленія и свои замѣчанія представляетъ общему собранію. Въ случаѣ надобности повѣрочная коммиссія имѣетъ право созывать общее собраніе чрезъ его президента.

§ 62. Правленіе общества и повѣрочная коммиссія имѣетъ пребываніе въ г. Орлѣ, а потому ихъ членами могутъ быть только лица, имѣющія въ г. Орлѣ постоянное жительство.

§ 63. Общія собранія могутъ быть какъ ординарныя, такъ чрезвычайныя.

§ 64. Ординарныя собранія полагаются три раза въ годъ: въ январѣ, маѣ и сентябрѣ, такъ какъ въ эти мѣсяцы можетъ быть въ Орлѣ много иногородныхъ членовъ.

§ 65. Въ январѣ читается отчетъ о дѣйствіяхъ правленія, производится выборъ должностныхъ лицъ и обсуждаются вопросы, соответствующіе цѣли общества, въ сентябрѣ и маѣ также, кромѣ выбора.

§ 66. Всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ подаваемыхъ какъ дѣйствительными, такъ и почетными членами.

§ 67. Выборъ должностныхъ лицъ производится посредствомъ баллотировки или другимъ какимъ либо способомъ, по умотрѣнію собранія. Лице, получившее наиболѣе голосовъ, вступаетъ въ должность, на которую производился выборъ. Слѣдующія за ними три лица зачисляются кандидатами.

§ 68. Въ выборѣ могутъ участвовать и отсутствующіе члены, присылая имена избираемыхъ ими лицъ въ запечатанныхъ конвертахъ, которыхъ вскрытіе равно какъ и счетъ голосовъ производится президентомъ общаго собранія при помощи дѣлопроизводителя правленія.

§ 69. Чрезвычайныя собранія созываются президентомъ по представленію или правленія, общества или повѣрочной коммиссіи.

§ 70. Президентъ общихъ собраній избирается на три года изъ дѣйствительныхъ членовъ, но не можетъ быть въ то же время членомъ правленія.

§ 71. Обязанности президента общества состоятъ въ слѣдующемъ: а) онъ, по соглашенію съ директорами правленія и членами повѣрочной комиссіи, составляетъ программу вопросовъ, принадлежащихъ обсужденію общаго собранія; по рѣшеніи сихъ вопросовъ онъ предлагаетъ членамъ заявить ихъ вопросы; б) во время преній онъ слѣдитъ за приличіемъ и порядкомъ совѣщаній; в) для удобнѣйшаго выполненія обязанности наблюдателя самъ президентъ въ преніяхъ не участвуетъ; г) когда по мнѣнію президента, поднятый вопросъ обсужденъ достаточно, онъ объявляетъ пренія законченными, вкратцѣ излагаетъ сущность сказаннаго — *за и противъ* и приглашаетъ къ подачѣ голосовъ. Если же онъ находитъ въ предметѣ стороны не подвергшіяся обсужденію: то указываетъ на эти стороны, приглашая членовъ къ ихъ обсужденію; д) свой голосъ президентъ подаетъ послѣ всѣхъ и въ случаѣ равенства голосовъ преимуществу предоставляется той сторонѣ, на которой остался президентъ.

§ 72. На случай невозможности быть президенту въ собраніи, его мѣсто занимаетъ старшій изъ кандидатовъ, именующійся въ такомъ случаѣ вице-президентомъ.

§ 73. Журналы общихъ собраній и годичные отчеты представляются его преосвященству и съ его благословенія публикуются въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 74. Общество и правленіе его утверждаютъ свои постановленія печатью, на которой будетъ вырѣзанъ девизъ общества: «братъ отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ» съ приличнымъ изображеніемъ.

Некрологъ.

— *Филаретъ (Гумилевскій), архіепископъ черниговскій и титовскій* скончался 9-го августа сего 1866 г. въ г. Конотопѣ во время обзорнія своей епархіи. Поступивъ въ 1826 г. изъ тамбовск. семинаріи въ Московск. дух. Академію, онъ принялъ монашество 19-го января 1830 г.; а по окончаніи въ семьъ году курса со степенью магистра онъ опредѣленъ былъ бакалавромъ церковной исторіи въ той же Академіи, которой онъ посвятилъ первые одиннадцать лѣтъ служебной своей дѣятельности въ качествѣ бакалавра (съ января 1832 г. уже по классу чтенія св. писанія, потомъ нравственнаго и пастырскаго бо-

гословія), инспектора (съ 1-го мая 1833 г.) и ректора Академіи (съ 14 декабря 1835 г.): какъ архимандритъ, въ управленіи имѣлъ московскій Богоявленскій монастырь. Будучи ректоромъ, онъ преподавалъ догматическое богословіе и получилъ степень доктора богословія. Въ Академіи онъ оставилъ воспоминаніе о себѣ, какъ о неутомимомъ дѣятелѣ въ области церковно-историческихъ и богословскихъ наукъ, какъ о многосторонне образованномъ, и весьма даровитомъ наставникѣ. Здѣсь положено имъ основаніе той глубокой учености и пріобрѣтенъ главнымъ образомъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми онъ удивляетъ насъ въ ученыхъ трудахъ своихъ; въ частности здѣсь многое приготовлено имъ для будущихъ изданій, какъ-то: «историческаго ученія объ отцахъ церкви», «историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви» и «исторіи русской церкви». Но здѣсь же, при гробѣ прендобнаго Сергія возросъ и укрѣпился вь высокій духъ благочестія и любви къ человѣчеству, которыми извѣстенъ былъ преосвященнѣйшій. Высочайшимъ указомъ отъ 7 октября 1841 г. онъ назначенъ епископомъ рижскимъ, викаріемъ Псковской епархіи; съ 1848 г. епископомъ, а съ 1857 г. архіепископомъ Харьковскимъ; съ 1859 г. архіепископомъ Черниговскимъ. Говорятъ, что въ паствѣ своей онъ пользовался большою популярностію, былъ любимъ и уважаемъ. Не смотря на значительныя средства епархіи, преосв. Филаретъ не рѣдко вынужденъ былъ сокращать свои расходы, потому что получаемыя имъ средства шли большею частію на дѣла благотворительности. Онъ относился ко всемъ обращающимся къ нему съ одинаковою благосклонностію и привѣтливостію. Будучи самъ строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, онъ требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ, но никогда не былъ суровъ съ ними; напротивъ отношенія его къ подчиненнымъ отличались отечески милостивымъ характеромъ. Не смотря на неусыпное занятіе дѣлами епархіальнаго управленія, онъ во весь 25 лѣтній періодъ его неутомимо продолжалъ заниматься учеными трудами, которые показываютъ въ немъ глубокомысленнаго богослова, историка, жизнеописателя, истолкователя священнаго писанія и церковнаго вѣтїю. Три вышепоименованныя нами сочиненія его наиболѣе замѣчательны. Къ числу особенно замѣчательныхъ сочиненій относятся также: 1) догматическое богословіе, 2) обзоръ русской духовной литературы, 3) русскіе святыи, и 4) святыи южныхъ славянъ. За исключеніемъ догматическаго богословія и пяти томовъ исторіи русской церкви Макарія, архіепископа

Харьковского, которая еще далеко не доведена до конца, русская духовная литература до настоящего времени не имѣла и не имѣеть подобныхъ трудовъ. Другія сочиненія преосв. Филарета: 1) опыты объясненія на посланіе апост. Павла къ Галатамъ. 2) Лугъ духовный блаж. Иоанна Мосха. 3) Бесѣды о страданіяхъ Спасителя, 4) Гласъ Божій къ грѣшникамъ, 5) Слова и бесѣды въ 4-хъ частяхъ, 6) Описаніе харьковской епархіи, 7) Черниговъ, историко-статистическое описаніе и 8) множество мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ чернигов. епарх. извѣстіяхъ, которыхъ онъ былъ и основатель, и главный редакторъ, и дѣятельный сотрудникъ. И сколько еще могла ожидать церковь русская отъ его высокихъ дарованій, глубокой учености и неутомимости трудолюбія, судя по его лѣтамъ, еще не совсѣмъ преклоннымъ, если бы смерть неожиданно не похитила его? Она послѣдовала отъ холеры. У преосвящ. Филарета за двѣ версты до Конотона началась рвота; но онъ еще нашелъ въ себѣ силу побывать въ двухъ церквахъ и потомъ отправился въ квартиру, приготовленную ему въ домѣ градскаго протоіеря и благочиннаго. Но едва онъ вышелъ изъ экипажа, сей часъ же послали за докторомъ, потомъ за другимъ. Въ два часа ночи соборовали его масломъ, а въ шесть часовъ утра прочитали отходную. Со смертію сего архипастыря русская церковь и русская богословско-историческая наука понесли тяжелую утрату. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ достойно оцѣнилъ заслуги его, когда, препровождая къ нему въ настоящемъ году знакъ ордена св. Александра Невскаго, соизволилъ выразить въ Высочайшей грамотѣ на имя преосв. Филарета слѣдующее: «долговременное отлично-ревностное служеніе ваше, пастырская опытность, стремленіе къ улучшенію учебной части въ мѣстной семинаріи и ученые труды ваши, составляющіе украшеніе духовной отечественной письменности, обратили на себя особенное вниманіе НАШЕ». Тѣло его перевезено въ Черниговскій Ильинскій Свято-Троицкій монастырь и предано землѣ, при священнодѣйствіи преосв. Порфирія, еписк. Чигирин. викарія кiev. митропол.

Редакторы: Арх. *Осодосій. П. Арсеній.*
Свящ. *Θ. Никоновъ.*

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Сентября 30 дня, 1866 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.